

Лаврухина Ирина Михайловна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА - "ЧЕЛОВЕК УХОДЯЩИЙ"

В статье "уход" представлен как выход человека за пределы каких-либо социокультурных и ценностных систем, как глубинный способ преодоления экзистенциальных противоречий и ситуаций отчуждения. Рассмотрены первичные архетипы и социокоды "ухода", а также более поздние схематизмы ухода. Делается вывод о том, что уход является необходимой парадигмой культурного существования человека. Современный человек превращается в "человека уходящего".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

на нужды общества» [6, p. 227]. Именно ирландский церковный билль 1833 г. стал своего рода пробным камнем, на котором партия тори «обкатывала» новые принципы партийной политики в отношении вопросов, прямо затрагивающих основы конституционного устройства. Успешное противостояние крайностям билля со стороны парламентского меньшинства стало одним из первых проявлений того, что позднее историки назовут «разумным консерватизмом» Р. Пила. Именно поэтому парламентская сессия 1833 г. и связанные с ней дебаты по *The Irish Church Temporalities Act* являются весьма показательными с точки зрения изучения процесса становления новых конституционных принципов, порожденных парламентской реформой 1832 г., что недооценивается в современной историографии проблемы.

Список источников

1. **British Museum Add. MS.** 40418.
2. **Brose O. J.** The Irish Precedent for English Church Reform: The Irish Church Temporalities Act of 1833 // *The Journal of Ecclesiastical History*. Oxford: University Press, 1956. Vol. VII. Iss. 2. October. P. 203-225.
3. **Evans E. J.** The Forging of the Modern State. Early Industrial Britain, 1783-1870. L.: Longman, 1995. 458 p.
4. **Hansard Parliamentary Debates.** 1833. Vol. XIII. 868 p.
5. **House of Commons Parliamentary Papers.** 1831-1822. Vol. II. 334 p.
6. **Lord Mahon to R. Peel.** 8 January, 1833. Sir Robert Peel from his Private Papers / ed. by C. S. Parker. Vol. I-II. L.: John Murray, 1899. Vol. II. 512 p.
7. **Papers Relating to the First Fruit in Ireland.** House of Commons Parliamentary Papers. 1831-1832. Vol. XXII. 408 p.
8. **Saint F.** The Victorian Church: Architecture and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 372 p.
9. **Second Report of the Select Committee on Tithes in Ireland.** House of Commons Parliamentary Papers. 1832. Vol. XXI. 452 p.
10. **Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda** / ed. by the Duke of Wellington. New Series. Vol. I-VIII. L.: Hodder&Stoughton, 1880. Vol. VI. 612 p.

**“THE IRISH CHURCH TEMPORALITIES ACT” (1833) AND THE CHURCH POLICY
OF THE BRITISH CONSERVATIVES IN THE FIRST HALF OF THE 30S OF THE XIX CENTURY**

Klochov Viktor Viktorovich, Ph. D. in History
Southern Federal University, Rostov-on-Don
Don State Technical University, Rostov-on-Don
vkllochov@srfedu.ru

The article examines the religious situation in Ireland in the first third of the XIX century and the position of the United Church of England and Ireland in that period. The role and significance of the Irish crisis of 1832-1833 and the position of the Tory Party towards it are studied. The author considers the role of the leading figures in the Tory Party and their supporters in resolving the Irish crisis of 1832-1833. The text of the Irish Church Temporalities Act (1833) and the parliamentary debate in the course of its adoption are analyzed. The work shows the significance of the parliamentary session of 1833 in the formation of the principles of “rational conservatism” of R. Peel.

Key words and phrases: United Church of England and Ireland; Irish crisis of 1832-1833; The Irish Church Temporalities Act (1833); William Shaw Mason; parliamentary session of 1833 in Great Britain; Tory Party in 1832-1833; “reasonable conservatism” of R. Peel.

УДК 130.2

Философские науки

В статье «уход» представлен как выход человека за пределы каких-либо социокультурных и ценностных систем, как глубинный способ преодоления экзистенциальных противоречий и ситуаций отчуждения. Рассмотрены первичные архетипы и социокоды «ухода», а также более поздние схематизмы ухода. Делается вывод о том, что уход является необходимой парадигмой культурного существования человека. Современный человек превращается в «человека уходящего».

Ключевые слова и фразы: уход; отчуждение; архетип ухода; парадигма ухода; схематизм ухода; экзистенциальный статус человека.

Лаврухина Ирина Михайловна, д. филос. н., профессор
Азово-Черноморский инженерный институт (филиал)
Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде
lavruhina_i@inbox.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА – «ЧЕЛОВЕК УХОДЯЩИЙ»

Экзистенциальные матрицы бытия человека – это некие базовые культурные состояния, к которым можно отнести, например, следующие: отчуждение, творчество, уход, некоторые другие. В статье разрабатывается

концепт «уход», который базируется на парадигмах, социокодах и архетипах ухода, представленных в истории культуры.

Современная эпоха, связанная с большими переменами и потрясениями, меняет экзистенциальный статус человека в обществе. «Человек мыслящий» в Новое время трансформируется в «человека отчужденного» – в Новейшее, а затем превращается в «человека уходящего» в постмодернистский период.

Феномен ухода человека сегодня представляет собой выход из общества, культуры, оставление активной жизнедеятельности, отказ от самой жизни. Он обусловлен такими факторами, как понижение уникальности человеческой жизни, усложнение социальных отношений, постоянное изменение системы ценностей и разложение традиционных форм культуры.

В данной статье концепт «уход» рассматривается в связи с проблемой отчуждения, соответственно, и уход, и отчуждение рассматриваются как некие культурные матрицы существования человека, как модусы его бытия в обществе.

Содержанием отчуждения в аксиологическом смысле является объективное превращение деятельности человека и ее результатов (материальных и знаково-символических) в некую самостоятельную силу, определяющую и повседневное существование человека, и, более того, конструирующую его жизненный проект в целом. Такое отчуждение предстает в качестве естественно-исторического процесса, сопровождающего деятельное, культурное бытие человека.

Так понимал отчуждение Гегель, который считал, что все, что материализуется, покидает человеческую голову и становится отчужденным [2, с. 157-261].

Отметим существенную особенность отчуждения – его амбивалентный характер. «Свое», чтобы стать доступным для других, должно отчуждаться. После завершения творческой деятельности все достижения науки и произведения искусства, вся информация и артефакты обретают свое самостоятельное бытие. И наоборот, осваивать как новое можно лишь отчужденное от других.

Существование человека в обществе подвержено непрерывному отчуждению. По сути, в моменте отчуждения изначально целостный человек, включаясь в социальные структуры, становится их функцией. «Сущность» и «существование» человека разрываются. Такое несамодостаточное бытие человека в обществе заставляет его с необходимостью ориентироваться на другие сущности и системы, чтобы преодолеть конечность своего бытия. И многообразные виды отчуждения, сплетаясь и взаимодействуя, образуют матрицу отчуждения бытия человека в культуре.

По своей сути все виды ухода (и в качестве идеальных схематизмов, и выраженные в практиках реальной жизни) оказываются связанными с формами отчужденного человеческого бытия. Об этом очень подробно писал Э. Фромм, который отмечал, что для достижения гармонии с собой и природой требуется преодоление многочисленных экзистенциальных противоречий. В качестве механизмов снятия этих противоречий он описал авторитарный отказ от собственного Я, конформизм, отчуждение от мира через его разрушение (деструктивность) и саморазрушение [9, с. 106-153].

Отчуждение в качестве парадигмы культурного существования человека предопределяет разнообразные формы культурно-символического ухода, в которых, по сути, реализуются механизмы преодоления отчуждения. Нам представляется, что уход сам становится культурной матрицей человеческого существования.

Дадим определение понятию ухода как парадигмы и культурного архетипа человеческого бытия. Уход означает выход человека за границы тех социокультурных структур, ценностей и норм, которые не позволяют реализоваться его сущностным чертам, которые рассматриваются им в качестве условий «нечеловеческого» бытия. Уход – это бессознательная или осознанная попытка преодоления человеком ситуации отчуждения, это глубинный способ преодоления экзистенциальных противоречий. Уход как культурная матрица, более того, как архетип культуры существует наряду с другими парадигмами и социокодами в культуре, такими, например, как свобода, творчество.

Различные архетипы, парадигмы и социокоды длительно формируются на уровне общечеловеческой культуры или культуры крупных исторических общностей и представляют собой систематизацию и схематизацию их социального опыта. Это, по сути, и есть идеальные схематизмы человеческой деятельности.

Определение ухода как архетипа в культуре может быть уточнено через понятие культурного кода (Ю. М. Лотман) [6]. Через социокоды и культурные архетипы накапливается, хранится и передается следующим поколениям ненаследственная информация о поведении, аккумулируется опыт предыдущих поколений.

Уход как социокод и архетип в культуре берет начало в ранних антропологических практиках и мифологических формах бытия человека. Первичные архетипы и социокоды ухода отражены, например, в специфических ритуалах инициации. В этих практиках человек посвящался в «тайны» социальной памяти, обучался «новому языку» и эзотерическому опыту, известным только посвященным. Именно в инициации формировались основные идеальные схематизмы ухода, связанные с выходом в мифологические измерения пространства и времени, что выражалось в мифологическом хронотопе и в мифологемах «пути».

В инициациях имитировались путешествия героических первопредков или шаманов в мифологическом пространстве и времени. Инициация, которая символизировала социализацию человека, как правило, была особым «уходом» в другой мир. В ритуале вообще мирское время и пространство лишается своей самодостаточности и автономности, и человек проецируется (уходит) в сакральный, мифологический хронотоп.

Архетип ухода присутствует и в сакральных шаманистских практиках. В вертикальном срезе пути шаман осуществляет «уход» в сакральный мир духов-покровителей, в горизонтальном – это путешествие

в мифологическое пространство к душам умерших предков. Пространственные идеальные структуры ухода в этих практиках дополнены темпоральными архетипами, т.е. сопровождаются «выходом» из профанного, обыденного времени во времена сакральные (к духам-покровителям) или времена мифологические (время предков) [8, с. 352].

Хронотоп ухода также находит свое преломление в архетипах и социокодах, связанных с мифологическими образами героев. В древнегреческой мифологии известен сюжет наказания-изгнания Прометея. В мифологии Гомера отмечены «путешествия»-уходы Одиссея. Первым письменным свидетельством архетипа ухода в социокоде человеческого бытия является «исход» древнеиудейского Моисея со своим народом (Книга Исход). В литературе многих культур архетип ухода представлен притчей о блудном (младшем) сыне. И помимо морального осуждения, представленного в евангельской притче, здесь присутствует и другой символический код, а именно намечающаяся дифференциация культур и формирование новых схем жизнедеятельности и систем ценностей.

Все эти специфические архетипы ухода находят отражение не только в ритуальных практиках и мифологических взаимоотношениях, но и фиксируются в соответствующих социокодах, откладываются в социальной памяти поколений.

Социокоды ухода, сложившись, могут определять своеобразие протекания общественных процессов. Так, Н. И. Лапин отмечает, что становление российской государственности, а также отношения между государством и народом в значительной мере сформировались под влиянием российско-азиатских практик этатизма. Слабое сопротивление населения давлению со стороны власти он объясняет «наличием свободных пространств на северо-востоке и востоке, на которые вплоть до XX в. переселялись значительные группы крестьянского населения» [5, с. 6]. Последнее сформировало миграционную парадигму, т.е. в нашей терминологии – матрицу ухода. Парадигма ухода предопределила и незавершенность предпринимавшихся в XVIII – начале XX в. попыток модернизации азиатско-этатистских практик в российском обществе. Миграционная парадигма, сложившаяся в сознании крестьянства XVIII-XIX вв., «делала крестьянина подготовленным для переселения... Крестьяне идеализировали акт миграции, рассматривая его как уход от несправедливой “новизны” и перенесение на новое место справедливой “старины”, как поиск рая на земле на далеких землях... Раскольники уходили на новые места, скрываясь от преследований властей, крестьяне бежали на новые места в поисках спасения от крепостного права. На этом фоне и могла родиться парадигма миграции. В то же время ее утверждал сам факт постоянной колонизации» [7, с. 28].

В XIX-XX вв. матрица ухода отчетливо проявляется в симптомах декаданса в культуре, с его страстью к разрывам и манией уходов. Ницше причиной декаданса считал дуалистическую концепцию мироздания – разделение мира на 2 порядка: феноменальный и трансцендентный, земной и небесный, плотский и духовный. Две жизненные сферы расколоты и деградируют в отрыве друг от друга. Такова дихотомия сферы чувственно-материальных интересов и сферы духовно-нравственных ценностей.

Декаданский уход, согласно Ницше, выражен в эксцессах плоти (например, культ острых изысканных ощущений, тяга к темным сторонам жизни, эротическое отношение к насилию и смерти) и в эксцессах духа (например, отказ от посюстороннего мира в пользу потустороннего, героический аскетизм, мистический экстаз, принятие сверхличностных ценностей).

Герои культуры декаданса у Ибсена, Гауптмана, Чехова не уживаются на одном месте, куда-то уходят, уезжают, мечтают уехать.

Если ранее в традиционной культуре утверждалось смирение, то теперь доминируют экстремальные формы дислокации в мистической трансгрессии [4, с. 164, 165].

Парадигма ухода реализовалась и современной философии науки в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда. Принцип пролиферации как призыв создавать всевозможные альтернативы он провозгласил главным для ученых.

Современный хронотоп, как отмечают В. А. Емелин и А. Ш. Тхостов, деформирован социокультурным и технологическим ускорением. Такая «текущая» современность, не достигающая соразмерности прошлого, настоящего и будущего, не позволяет личности гармонично себя идентифицировать, отсюда т.н. «метастазы ложной идентичности» [3, с. 124].

Патологии идентификации связаны с тем, что одно из темпоральных измерений (прошлое, настоящее или будущее) доминирует, и личность либо ориентируется в прошлое, либо стагнирует в настоящем, либо ощущает будущее как хаос. Непонимание индивидом своего места в социокультурном хронотопе, не позволяющее человеку иметь устойчивые модели идентификации, сопровождается ощущением неукорененности, асоциальности, аутизма. «Но поскольку неукорененность тяжело переживается обыденным человеком, особенно молодежью, она компенсируется различного рода маргинальными, виртуальными или фантастическими формами идентификации: молодежными субкультурами, сектами, религиозным или псевдорелигиозным фундаментализмом, анархизмом, уходом в фантазирование» [Там же].

Уход, как социокультурное явление, может принимать осознанные и неосознанные, свободные и несвободные, витальные и авитальные формы, он может выражаться в культурно-феноменологических или психологических формах [1].

Культурологические осознанные методы ухода могут быть для индивида и его бытия витальными, например уход в творчество, уход в религию, эпатаж, чудачество, и авитальными, например бродяжничество, алкоголизм, наркомания, самоубийство.

Витальная активность способствует развитию духовного потенциала личности. Так, в религиозности в какой-то мере через единение с Богом преодолевается ситуация отчуждения в миру, кроме того, вырабатываются твердость воли, определенные качества характера. Уход в творчество позволяет человеку найти новый смысл в жизни. Эпатаж и чудачество как формы социально-нравственного ухода разрушают старую норму, утверждают необщепринятую «сверхнорму», но тем самым презентуют новые культурные формы, расширяют пространство обыденной жизни. Такое отклонение от традиционных схем в мышлении и поведении способствует максимально гибкой адаптации индивида к окружающей среде.

В современном информационном обществе как формы витального выхода за пределы информационно-технического, урбанизированного пространства могут рассматриваться отшельничество, аскеза, даже лень. Аскет за пределами мирской суеты ищет гармонию, ставит своей целью осознание своего предназначения и смысла жизни. Через духовную сублимацию в аскезе энергия греховных страстей трансформируется в творческое развитие. Лень – не как психологическое состояние, а как мировоззренческая позиция – в некоторых случаях выступает единственным способом сохранения человеческого «Я».

Как авитальная активность предстает сектанство. Такой псевдоспособ единения людей формирует идеологию замкнутости и агрессивности в отношении других людей. Серьезные изменения структуры личности сектантов обеспечивают отчуждение членов секты от внешнего мира.

Агрессия, апатия, депрессия, уход в болезнь, уход в здоровье представляют собой такие формы авитального ухода, которые личность использует в случае невозможности ее самореализации. В таких формах девиантного поведения собственно и осуществляется «самовыражение».

Как авитальные формы психопатологического ухода могут быть рассмотрены многообразные виды аддиктивного поведения. Они характеризуются стремлением уйти от реальности путем изменения своего психического состояния за счет развития некоторых интенсивных эмоций.

Субстанционные виды аддиктивного поведения связаны со злоупотреблением различных психоактивных веществ. Таковы алкоголизм, наркомания. Несубстанционные формы – это все зависимости от различных видов деятельности и патологические увлечения, например, трудовое, лэрниг, гемблинг, компьютерные и интернет-зависимости, сексуальные аддикции, нарциссизм, зоомания, патологические хобби. Они направляют нереализовавшуюся энергию на объект зависимости, что приводит к потере человеком интереса к другим сторонам жизни.

Более сильными авитальными формами ухода является «скрытое» и «открытое» суицидальное поведение, обусловленное потерей смысло-жизненных ориентиров. Очевидно, что недостаточно считать суицид просто результатом психического расстройства личности. Человеку важна жизнь не сама по себе, но и ее качество и осмысленность. В этом контексте суицид может быть рассмотрен как сознательный выход человека за пределы чуждых ему смысло-жизненных ориентиров. Возможно, суицидальное поведение – это результат последнего самоопределения человека.

В постмодернизме складывается образ человека-бродяги. Бродяга в классическом понимании – это человек без места жительства, утративший цель и смысл жизни, потерявший навык трудиться, разрушивший общественные и семейные связи, но, главное, не стремящийся выйти из этого состояния неопределенности. Такое бродяжничество порождено отторжением индивида от общества и, по сути, является формой его ухода из культурного пространства, потерявшего для него ценность.

Однако современный человек живет в условиях достатка, для деградации личности нет никаких оснований. Тем не менее, отсутствие стройной системы ценностей и приоритетов, возможностей для самовыражения и развития делает его «бродягой от скуки», который с помощью современных информационных технологий убивает время. Рассмотренные в статье наиболее часто встречающиеся виды ухода позволяют многие формы нашего поведения трактовать как схематизм ухода и соотнести с соответствующим видом отчуждения. «Разрывы» и «уходы» более не квалифицируются как симптомы декаданса. Скорее, они выступают необходимыми парадигмами культурного существования человека. Современный человек превращается в «человека уходящего». Современный человек – это *Homo relictis*, «человек уходящий».

Список источников

1. **Бережная М. П.** «Уход» в культурных парадигмах бытия человека: автореф. дисс. ... к. филос. н. Белгород, 2012. 22 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Система наук. Часть 1. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999. 444 с.
3. **Емелин В. А., Тхостов А. Ш.** Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 15-125.
4. **Жеребин А. И.** Загадка великого разрыва. К антропологии декаданса в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 162-168.
5. **Лапин Н. И.** Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 3-17.
6. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
7. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.
8. **Топоров В. Н.** Путь // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 352-353.
9. **Фет А. И.** Собрание переводов. Эрих Фромм. Бегство от свободы [Электронный ресурс]. 2016. 233 с. URL: http://aifet.com/books/transl_v6_Fromm.pdf (дата обращения: 09.11.2017).

THE EXISTENTIAL STATUS OF THE MODERN MAN IS “A LEAVING MAN”

Lavrukhnina Irina Mikhailovna, Doctor in Philosophy, Professor
Azov-Black Sea Engineering Institute (Branch) of Don State Agrarian University, Zernograd
lavrukhnina_i@inbox.ru

In the article “leaving” is presented as person’s exit beyond any socio-cultural and value systems, as a deep way of overcoming existential contradictions and alienation situations. Primary archetypes and social codes of “leaving” are considered, as well as later schematisms of leaving. It is concluded that leaving is a necessary paradigm of person’s cultural existence. The modern man is becoming “a leaving man”.

Key words and phrases: leaving; alienation; archetype of leaving; leaving paradigm; schematism of leaving; existential status of man.

УДК 1; 740; 101.1

Философские науки

Ввиду констатации факта формирования постиндустриального общества и связанных с ним модификаций практик повседневности для философской мысли становится очевидной необходимость исследования культуры питания современности, выступающего в качестве опорного института формирования антропных характеристик человека. В описываемой статье предлагается исследование трансформаций антропологического статуса субъекта в условиях общества потребления.

Ключевые слова и фразы: антропологический статус субъекта; культура питания; традиционное общество; общество потребления; быстрая пища; самоидентификация.

Лупачева Анастасия Андреевна

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики*
laugh_for_life@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИЙ СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Следует отметить, что долгое время философская мысль не уделяла пристальное внимание пищевым практикам. Прежде всего потому, что данный аспект воспринимался как частный момент телесной жизни человека, не релевантный более важным трансформациям, преимущественно – духовным структурам [6, с. 146].

Но в условиях современности, сопровождающейся глобализацией и технизацией общества, сравнительно динамичнее меняется и культура потребления пищи. Практики питания представляют базовый конструкт формирования антропологического статуса субъекта, под которым понимаем формирование его мировоззренческих, поведенческих установок, ценностных и культурных ориентаций, в связи с чем возрастает опасность интенсивного внимания к описанному дискурсу различных форм власти. Поэтому очевидной необходимостью и исследовательской задачей данной статьи становится вмешательство философского дискурса в пространство общества потребления современности для разрешения проблемного характера пищевых практик, уже не ограничивающегося лишь одной угрозой голода.

На этапе становления человеческой истории добывание пищи являлось одним из основных способов удовлетворения физиологических потребностей, обеспечивающих адаптацию к окружающим условиям, обуславливающим различность в интенсивности развития цивилизаций, организации жизни народа, формировании его национальной культуры.

Историческое восприятие пищи как нечто священного воплощается в организации совместных трапез, пищевых церемоний, подчеркивающих символизм любви и дружбы в семейных, дружеских или служебных отношениях. Стол символизирует объединение материального посредством еды и нематериального – благодаря общению. В древних системах образов граница между едой и трудом не была заметной, пища являлась венцом человеческого труда ввиду неразрывности связи этих понятий.

По мере развития общества процесс поиска пищи приобретает обрядовый характер, нагружается символическими представлениями, становясь частью ритуальных практик, культурных верований или постов. В таких условиях реализуется культурная идентичность, еда принимает классовый характер, благодаря которому люди отделяют себя, своих от других, чужих [2].

Таким образом, необходимость в поддержании физиологических параметров существования задает путь культурного прогресса, структурирующего образование уникального кода, хранящего информацию о национальной идентичности, мировоззренческо-поведенческих установках формирующегося общества, нравственных, социальных, семейных ориентирах субъекта, определяющих вариативность путей его развития.

В таком контексте становится возможным говорить не только о еде как акте приёма пищи в условиях необходимости биологической адаптации к окружающей среде, но и об адаптации социальной как методологии